

УДК 316.334.3

Революционная ситуация в контексте общественного договора**Пахомова Е.А.**

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и социально-правовых наук
Волжского государственного университета водного транспорта
(Нижний Новгород)

Устинкин С.В.

Доктор исторических наук, профессор, декан факультета
международных отношений, экономики и управления, начальник
международной междисциплинарной научной лаборатории
«Изучение мировых и региональных социально-политических процессов»
Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова, директор Приволжского филиала
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Фоменков А.А.

Доктор исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник международной междисциплинарной
научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых
и региональных социально-политических процессов»
Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Савченко И.А.

Доктор социологических наук, доцент, начальник международной
междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-
гуманитарных исследований», профессор кафедры философии,
социологии и теории социальной коммуникации
Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова, профессор кафедры психологии и педагогики
Нижегородской академии МВД РФ

Цель статьи – осмысление специфики революционной ситуации с позиций политической социологии. Возникновение революционной ситуации увязано с вопросами нарушения общественного договора в рамках определенной политической культуры. Анализируются системные взаимосвязи между спецификой российского государства и потребительским патернализмом, которые в комплексе формируют основу общественного договора в России. Показана роль неформальных

институтов как в консервации существующих условий, так и в складывании революционной ситуации. Сделан вывод об отсутствии революционной ситуации в современном в российском обществе.

Ключевые слова: общественный договор, география, федерализм, революционная ситуация, военно-промышленный комплекс, специфика, неформальные институты.

В политической социологии уже стало традиционным рассмотрение вопросов политической динамики в фокусе политической культуры. В данной статье в контексте политической культуры авторы стремятся посмотреть на феномены революционной ситуации в фокусе общественного договора и ответить на вопрос: возможна ли революционная ситуация в России.

Классики концепции политической культуры Г. Алмонд и С. Верба [1], как мы знаем, выделяли три «идеальных типа» политической культуры: два «социально-пассивных» типа (патриархальный и подданныческий) и «активистский» тип (так называемую «культуру участия»). Смешанный тип политической культуры, где гражданин сам вправе выбирать, быть ему политически инертным или инициативным, был назван гражданственным типом политической культуры.

Г. Алмонд и С. Верба не акцентировали внимание на социальных революциях, однако, вполне в русле марксистской методологии, соглашались с тем, что несоответствие представлений «верхов» и «низов» о «правильной» политической культуре рождает непонимание, социальные конфликты и столкновения. Иными словами, политическая культура представляется как ядро общественного договора. Причины нарушения общественного договора кроются в восприятии и понимании политической культуры разными слоями общества.

Разумеется, мы не отрицаем при этом и значимости иных теорий происхождения государства, например, теории «стационарного бандита» [2, с. 96-98], однако всё же отдаём предпочтение именно договорной концепции.

Непосредственно перейти к природе общественного договора в России мы можем через обращение к крайне интересной работе петербургских юристов Р.А. Ромашова и Е.Н. Тонкова «Тюрьма как Град Земной». Исследователи описывают истинно российский общественный договор, пусть и применительно к пенитенциарной системе, где компромисс рассматривается как гарантия предупреждения вседозволенности со стороны как тюремного начальства, так лиц, отбывающих наказание. Отступление от компромисса провоцирует рост внутреннего напряжения и нередко является источником конфликтов, обусловленных дисфункциями в работе учреждений, выполняющих социальную задачу изоляции правонарушителей от общества [3, с. 127].

Представляется, что в отечественных реалиях такого рода общественный договор, пусть и с определёнными нюансами, применим к существенной части территории страны. Отметим: дело отнюдь не в излишней криминализации населения (в настоящее время уже не столь очевидной, как, например, два десятилетия назад [2, с. 96-98]). Скорее можно вести речь о наличии нескольких весьма важных факторов, оказывающих влияние как на государство, так и на общество.

Известны слова русского философа-эмигранта И. Солоневича о том, что исторический путь России представляет собой историю преодоления российской географии. Следует признать, что географию свою Россия так и не сумела преодолеть. Во-первых, это выразилось в том, что государство в прошлом как совокупность институтов не присутствовало на существенной части территории. Реальная власть принадлежала не непосредственно государственным органам, но уполномоченным от лица государства лицам (в исправительно-трудовых учреждениях и т.п.). Таким образом, отчасти в стране сохранялась именно феодальная система, что блестяще доказал в своей работе С. Кордонский [4, с. 267-303]. На уровне обыденного сознания данный факт утвердился в виде поговорки: «До Бога высоко, до царя далеко», что не удивительно, учитывая, что пословицы и поговорки весьма ёмко выражают особенности национального менталитета! [5, с. 40; 6, с. 92]. В результате население вынуждено было во многом руководствоваться в повседневной жизни не действующим законодательством, а неписаными «понятиями».

Второй фактор, также связанный во многом с географией, – угроза военных конфликтов в условиях весьма протяжённой государственной границы. Как следствие, уже не одно столетия Россия, а затем СССР были вынуждены развивать военно-промышленный комплекс в условиях догоняющей модернизации. При таких реалиях и предпринимательство развивалось несколько иначе, чем в Западной Европе, и раздача привилегий стратегически важным отраслям и предприятиям была делом обыденным. Как следствие, под реальным или мнимым предлогом, объясняемым необходимостью защиты интересов государства, ряд предприятий (и даже бизнес-структур) всегда имели возможность получить преференции. Иначе говоря, в экономической системе все были равны, но некоторые – «равнее». При этом такое «равенство» также как бы являлось

частью общественного договора. Повсеместное распространение псевдоравенства естественным образом сказалось на правосознании населения. Люди, как минимум, привыкли осознавать, что равенство всех перед законом – фикция [7, с. 161], а уважения к писаному праву всё это отнюдь не прибавляло.

Следует также подчеркнуть, что в России получили широкое распространение неформальные правовые регуляторы [8, с. 70]. Такая ситуация объясняется тем, что на протяжении столетий жизнедеятельность основной доли российского населения, которое ещё восемьдесят лет назад составляли сельские жители [9], регулировалась обычным правом, то есть традицией [10, с. 106]. При этом следует подчеркнуть, что в России действие неформальных регуляторов в ряде случаев вступает в противоречие с интересами государства. В данном контексте А. Аузан приводит красноречивый пример из российской и американской социальной практики. Если на Диком Западе из местной тюрьмы сбежал преступник, все взрослые мужчины из ближайших населенных пунктов вместе с шерифом начинали преследовать беглеца. В России же, в особенности в Сибири, для беглых каторжников жители окрестных деревень оставляли провизию и теплые вещи [11, с. 30]. На уровне риторики такое положение дел выразилось в поговорке «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». Такая жизненная установка характерна для традиционного общества, но не правового государства [12, с. 26].

Общественный договор, сформированный в ареале пересечения гражданской и патриархальной политических культур еще в советское время и актуальный для существенной части населения страны и сегодня, можно условно охарактеризовать как «потребительский патернализм» [13, с. 71-75]. Такое понимание российского общественного договора обусловлено тем, что государство и население во многом взаимно эксплуатировали друг друга. Первое – за счёт использования материальных и трудовых ресурсов на крайне затратные проекты, которые позволяли стране быть одним из самых влиятельных государств в мире. Население же – за счёт использования государственной собственности себе во благо. При этом одной взаимной эксплуатацией дело не ограничивалось – имело место и некое подобие заботы друг о друге. В самом деле, государство не только иногда в той или иной степени пыталось заботиться о населении, оно также и «закрывало» глаза на потребительские по своей природе устремления жителей страны. Население же в массе своей было лояльно государству и даже сохранило патерналистские представления о мире («царь – добрый, бояре – злые», «в армии надо служить» и т.п.). При этом люди в массе своей верили, что сменяемость власти не является положительным фактором – «эти уже наворовали, а эти (стремящиеся прийти к власти – авт.) – ещё нет». Государство довольно

видимостью законности и хотя бы минимальным выполнением экономических задач (прежде всего, естественно, в сфере ВПК), а население уровень жизни скорее устраивает, нежели нет, что достигается зачастую с помощью отходнических промыслов, «левых» заказов, самозанятости и даже умеренного расхищения государственных ресурсов. То есть российский пример (это касается прошлого) показывает, что действенный общественный договор может иметь место и в государстве, которое нельзя отнести к числу правовых [14, с. 20].

Итак, что же ведёт в таких условиях к революции? По нашему мнению, революционная ситуация в России всегда начиналась в прошлом с осознания населением (сначала его частью) наличия «беспредела» со стороны государства. Последний же уместно понимать как вопиющее попрание неписанного общественного договора, заключённого в потребителско-патерналистском духе.

Период перестройки в СССР наглядно демонстрирует верность приведённого нами выше тезиса. В самом деле граждане были недовольны в первую очередь падением реального уровня жизни, в то время как реальная значимость политических прав и свобод была ими по большей части не понятна. Кроме того, информация о высоком (по меркам того времени) уровне коррупции среди партийно-хозяйственного аппарата стала достоянием гласности, что также привело к падению авторитета власти [15, с. 40; 16, с. 171]. То есть вполне допустимо, что жители СССР простили бы советской элите падение своего уровня жизни, если бы увидели, что руководство страны «затянуло пояса» вместе с ними, как, например, было в годы Великой Отечественной войны (во всяком случае, в понимании основной массы населения). Однако вместо этого имело место сохранение привилегий и т.п. То есть ситуация уподобилась той, что была в 1770-х гг. при Екатерине II – дворяне имеют право не служить вовсе, в то время как крепостное право для крестьян не было отменено, но даже достигло своего апогея [17, с. 88]. Очевидное для всех нарушение принципа всеобщего служения, без которого невозможно тягловое государство (а Россия была именно таковым) [18, с. 680], и привело в итоге к пугачёвщине.

События в Белоруссии и Кыргызстане сделали актуальной проблематику, связанную с революционной ситуацией. Все чаще мы слышим о том, что внешнее вмешательство гипотетически может сделать складывание революционной ситуации в Российской Федерации более вероятным, особенно в виду того, что в России наличествуют отдельные очаги нестабильности [19, с. 175].

Вместе с тем в России обе стороны – государство и общество – склонны придерживаться единого стандарта политической культуры, которая все более обретает черты гражданской культуры [20, с. 124].

В современных отечественных реалиях общественный договор властью и социумом в целом соблюдается, а очевидный «беспредел» уместно признать отсутствующим в российской действительности. Как следствие, отсутствует в стране и революционная ситуация.

Литература:

- Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2014. – 500 с.
- Паносян К.М., Хецуриани К.Т. Модель стационарного бандита Олсона и Макгира // Научные исследования XXI века. – 2020. – № 2 (4). – С. 96-98.
- Ромашов Р.А., Тонков Е.Н. Тюрьма как «Град земной». – СПб.: Алетея. 2014. – 654 с.
- Кордонский С.Г. Россия. Поместная федерация. – М.: Европа. 2010. – 303 с.
- Гитис Л.Х. Пословицы, поговорки, цитаты и комментарии к ним // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2005. – № 7. – С. 40-43.
- Иванов А.В. Пословицы как отражение национального менталитета // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. – 2015. – № 4 (29). – С. 91-99.
- Савченко И.А., Снегирева Л.А., Устинкин С.В. В эмпирическом изменении // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 2 (46). – С. 157-163.
- Заостровцев А.П. Матрица Московии и ее реинкарнации: Как реальность опровергает благие пожелания // Общественные науки и современность. – 2017. – № 6. – С. 67-76.
- Всесоюзная перепись населения 1939 г. Таблица 15д. Национальный состав населения. РГАЭ. Ф.1562 Оп. 336 Д. 966. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39_gs.php
- Бочаров В.В. Неписанный закон. Антропология права. – СПб.: Академия исследований культуры. 2013. – 326 с.
- Аузан А. Экономика всего: Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер. 2014. – 157 с.
- Хажипов Р.Х. О соотношении принципов и признаков правового государства // Правовое государство: теория и практика. – 2010. – № 2 (20). – С. 24-27.
- Пахомова Е.А. Потребительский патернализм как часть общественного договора в России // Философия права. – 2015. – № 3 (70). – С. 71-75.
- Графский В.Г. Принципы законности и справедливости в истории законодательства России и западноевропейских государств // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – № 6. – С. 7-25.
- Власенко Л.В. «Шоковая терапия» – ошибка или единственный выход? // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2013. – № Т3. – С. 36-40.
- Устинкин С.В., Тимофеев Г.А. Раскол социума и нарастание социальной и межэтнической напряженности в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Власть. – 2012. – № 6. – С. 170-175.
- Китанина Т.М. Апогей крепостного права, или второе издание крепостничества 1760-1780-х годов (Крестьянский вопрос при Екатерине II) // Северо-Запад в аграрной истории России. – 2016. – № 22. – С. 80-92.
- Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. – М.: АРКТОГЕЯ-Центр. 1999. – 928 с.
- Устинкин С.В., Куконков П.И., Морозова Н.М. Очаговость социальных напряжений в России // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 7. – С. 173-182.
- Савченко И.А. Гражданское общество в дискурсивном измерении // Власть. – 2015. – № 5. – С. 122-126.

The Revolutionary Situation in THE Context of Social Contract

Pakhomova E.A.

Volga State University of Water Transport (Nizhny Novgorod)

Ustinkin S.V., Fomenkov A.A., Savchenko I.A.

Linguistics University of Nizhny Novgorod

The article is aimed at understanding the specifics of the revolutionary situation from the standpoint of political sociology. The emergence of the latter is associated with issues of violation of the social contract. The article analyzes the systemic relationships between the specifics of the Russian state and consumer paternalism, which together form the basis of the social contract in Russia. The authors point out the great role of informal institutions both in preserving existing conditions and in developing a revolutionary situation. It is concluded that there is no revolutionary situation in modern Russian society.

Key words: social contract, geography, federalism, revolutionary situation, military-industrial complex, specifics, informal institutions.